

К ВОЗНИКНОВЕНИЮ СЛАВЯНИЗМА ДРАГОЦѢНЪНЪ

Перечисляя слова, традиционно считающиеся старославянскими, но отсутствующие в старославянских рукописях, Р. М. Цейтлин дает в этом ряду и прилагательное *драгоцѣнѣнѣ*. Она относит его к словам, «которые, по всей вероятности, не употреблялись в старославянском языке»¹. Ранее ею же высказано мнение, обоснованное материалом словарных картотек Института русского языка АН СССР, что слово *драгоценный* — исконно русское и «появилось в русском языке, по всей вероятности, в XVI в.», а распространенным стало еще позже². Это дает прелесть повизны увещаниям Кирибеевича:

Отвечай мне, чего тебе надобно,
Моя милая, драгоценная!

— тем более неожиданную, что «Песня про купца Калашникова. . .» отнюдь не была плодом ученых занятий, она написана на Кавказе в 1837 г., Лермонтов «набросал ее от скуки, чтобы развлечься во время болезни, не позволяющей ему выходить из комнаты»³.

Понятие, выражаемое двухкорневым словом, почти адекватно может быть выражено и свободным словосочетанием его компонентов, в новое время достаточно устойчивым, чтобы быть зафиксированным в лексикографии: «Дорогой ценой досталось — о чем-либо добытом, достигнутом в результате значительных усилий, лишений и т. п.» (БАС). Не укладывается, впрочем, в эту дефиницию пример из пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке»:

Домой в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась чем только пожелаю.

Насколько в данном случае словосочетание древнее, чем сложное слово? Существующие словари и картотеки будущих словарей ответа на этот вопрос не дают. Но в неопубликованной Цветной Триоди XII в. (ГИМ, Воскресенское собрание, № 27, л. 29об—30) находится стихира великого четверга, восьмого гласа, начало которой — *Данаъа Иуда ницѣмѣнѣнѣ мѣцѣтъ лицѣ и лихсимѣтъѣ отъзкрывѣтъ обрѣзѣ*. Этот гимн представляет собой как бы медитацию о тридцати сребрениках, выторгованных Иудой за величайшее из предательств. Христопродавец, по мысли гимнографа, не драго сѣтъкарѣмѣтъ цѣноу нѣ тако раба вѣжакъшѣмѣго продамѣтъ.

Действительно, 30 тетрадрахм, равные 120 динариям, составляли в новозаветное время 435 г серебра⁴. Такой же была при судебных разбирательствах средняя цена раба (Исход 21, 32), такая сумма составляла стоимость 120 человеко-дней при работе на винограднике (Мф. 20, 2).

Старославянское не драго сѣтъкарѣмѣтъ цѣноу соответствует греческому *οὐκ ἀκριβολογεῖται τὴν τιμὴν*⁵. В печатном церковнославянском

тексте — не склпз тжклетса кз цѣнк⁶. Справщики, отказавшиеся от древней редакции перевода, не знали того, что лексема *ἀκριβο-*, в классическом греческом языке подразумевавшая понятия точности, скупости, к кирилло-мефодиевской эпохе претерпела расширение значения, включив в себя и понятие дорогой цены, высокой стоимости (Chantraine I, 51).

¹ Цейтлин Р. М. О старославянских словах, которых нет в рукописях старославянского языка. — В кн.: Этимология 1975. М., 1977, 70.

² Цейтлин Р. М. К истории слова *драгоценный* в русском литературном языке. — В кн.: Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974, 184.

³ Лермонтовская энциклопедия. М., 1981, 411.

⁴ Kretzenbacher L. Verkauf um 30 Silberlinge. — Schweizerisches Archiv für Volkskunde, 57. Bd. Basel, 1960, 1—17; Reiner E. Thirty Pieces of Silver. — In: Essays in Memory of E. A. Speiser. New Haven, 1968, 186—190; Colella P. Trenta denari. — Rivista Biblica Italiana, t. 21. Roma, 1973, 325—327.

⁵ Γριφόιον καταυχτιχόν. 'Εν 'Ρώμῃ, 1879, 657.

⁶ Триодъ постная. М., 1975.

Г. К. Венедиктов

ОБ ОДНОМ АСПЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Происхождение подавляющего большинства новых слов в литературных языках имеет спонтанный характер, и установить, кто именно из носителей этих языков и когда создал (составил, сочинил, придумал) и впервые употребил то или иное новое слово, практически невозможно. Лексиколог нередко вынужден в лучшем случае довольствоваться только установлением первой (наиболее ранней) фиксации новых слов в печатном или рукописном тексте¹, которая сама по себе еще не может быть свидетельством того, что их создателем является автор данного текста. Вместе с тем лексикология не отказывается от выявления слов, обязанных своим возникновением словотворчеству конкретных лиц — писателей, ученых, журналистов и других представителей интеллигенции. Определение вклада того или иного лица в обогащение лексики литературного языка составляет хотя и не главную, но важную и во всяком случае весьма интересную задачу в изучении истории лексики литературного языка.

Вопрос о словотворчестве болгарских писателей и других лиц в болгарской лексикологии поставлен давно, но сделано в этой области не так много. Еще в середине 50-х годов крупнейший историк болгарского литературного языка Л. Андрейчин писал: «Очень слабо изучено самостоятельное словотворчество наших книжников эпохи Возрождения»². За истекшие с тех пор три десятилетия изуче-